

Из истории науки и техники

А.Б. Волков

*Волков Антон Борисович,
младший научный сотрудник
Института философии
и права СО РАН.
Тел.: (3832) 30-2240.
E-mail: antonwolkow@mail33.com
630090, Новосибирск,
ул. Николаева, 8*

УЧЕНЫЙ-ИСТОРИК В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (опыт проведения трех ретро-интервью)*

1990-е гг. без преувеличения можно назвать «революционными» для отечественной историографической науки. Открытие новых исторических источников, возможность разрабатывать запрещенные ранее темы, открывшиеся широкие возможности для связи с зарубежными коллегами позволили отечественным историкам заново взглянуть на развитие отечественной науки. Последовал настоящий «взрыв» публикаций, посвященных не только собственно историографии, но и влиянию менявшихся внешних условий существования исторической науки на ее развитие. Однако все работы носят конкретно-исторический характер, что делает затруднительным сравнение полученных историками сведений с аналогичными данными, которые получены отечественными социологами науки при изучении изменений, происходивших в нашем научном сообществе в 1990-е гг. В то же время компаративистский подход к развитию исторической науки, требующий наличия релевантных данных, получаемых с помощью как исторических, так и социологических методов, имеет большие перспективы.

Цель данного исследования, во-первых, в проверке возможности использования методики экспертного опроса, разработанного в конце 1990-х гг., для анализа дневниковых записей ученых периода Гражданской войны в России (на примере трех дневников ученых-историков), во-вторых, в рет-

* Статья подготовлена в рамках реализации проектов, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом (проект № 02-03-18285а) и Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 02-06-80481).

роспективном описании социально-психологического состояния ученых в 1917—1920 гг. и их отношения к процессам, происходившим в научном обществе в этот период.

Попробуем поставить мысленный эксперимент. Определим несколько блоков вопросов, с которыми новосибирские социологи обращались к ученым Новосибирского научного центра в 1990-е гг. и представим, что мы беседуем с «экспертами» в 1917—1920 гг. В качестве материала для беседы будем использовать дневники трех российских историков: Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и Н.М. Дружинина. Это три разных по своим политическим воззрениям и симпатиям историка, поэтому при анализе их дневниковых записей мы, возможно, сумеем различить некоторые субъективные и объективные стороны происходивших в сообществе русских историков изменений в период масштабного социально-экономического кризиса. Дневниковые записи привлекательны тем, что они дают нам фактически тот же материал, что и социологический опрос эксперта, не искаженный более поздними наслоениями в воспоминаниях.

Биографические справки

Юрий Владимирович Готье (1873—1943), профессор Московского университета и директор библиотеки Румянцевского музея, историк русского средневековья. Как ученый Юрий Владимирович сформировался еще до революционных событий 1917 г. По своим социально-политическим взглядам он был солидарен с большинством русской академической интеллигенции: если до революционных событий 1905—1907 гг. ему были близки идеи тех, кто во время революции образовал партию кадетов, то в послереволюционный период он уже не верил в позитивность революционных событий, примкнув по своим взглядам к идейному течению авторов сборника «Вехи». Как отмечали исследователи биографии Ю.В. Готье, он твердо стоял на прагматических позициях, характерных для редактора «Вех» П.Б. Струве. По отношению к событиям октября 1917 г. Ю.В. Готье занимал резко отрицательную позицию (как мы увидим ниже), полагая, что они завершают процесс распада Российского государства, начавшегося еще при старом режиме. Однако при всем его негативном отношении к новой власти он не покинул страну. Но дело было не в его нежелании это сделать (на страницах его дневника за 1919 г. мы можем увидеть страстное желание историка как можно быстрее покинуть Россию), а в отсутствии возможности эмигрировать. Так или иначе, но Ю.В. Готье был вынужден сотрудничать с советской властью, причем его положение в 1920-е гг. нельзя было назвать плачевным. После ликвидации историко-филологического факультета Московского университета Юрий Владимирович начал читать курс лекций по археологии на новом факультете общественных наук. В 1922 г. он был избран в члены-корреспонденты Академии наук, а с середины 1920-х гг. стал работать во вновь созданном Институте истории РАНИОНа. Однако в период «Великого перелома» Готье попал под поло-

су развернувшихся тогда репрессивных мер, направленных в первую очередь против «бывших». В 1929—1931 гг. было фальсифицировано так называемое «академическое дело», на основе материалов которого были арестованы многие видные представители исторической науки. В июле 1930 г. был арестован Ю.В. Готье как глава московской «секции» конспиративной организации академиков. Дело не было доведено до конца, и Ю.В. Готье «отделался» пятью годами ссылки. Срок ссылки был сокращен, и уже в 1934 г. мы можем увидеть Готье в качестве преподавателя вновь организованного исторического факультета МГУ. Умер Ю.В. Готье в 1943 г. в эвакуации в Ташкенте.

Свой дневник Готье начал вести в 1917 г., когда у него появилось ощущение «рокового для России характера происходящих событий ("эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории") и вытекающее из этого чувство ответственности профессионального историка перед будущими поколениями». Мы можем выделить несколько основных тем, к которым обращался в своих записях историк: оценка текущего момента, описание событий, происходящих в Московском университете и в Румянцевском музее, свое восприятие происходивших в стране социальных и политических перемен, эмоциональное состояние самого себя и своих знакомых. Записи велись до 1922 г., печально известного как года «философского парохода». В условиях усиления становящегося авторитарного режима Ю.В. Готье не мог себе позволить дальше вести довольно откровенные дневники. В том же году Юрий Владимирович передал свои записи в американскую миссию. До 1982 г. они пролежали в неизвестности в архиве Гуверовского университета. Отечественному читателю они стали доступны лишь в начале 1990-х гг. благодаря их публикации в журнале «Вопросы истории» (см. [1]).

*Степан Борисович Веселовский*¹ родился в 1876 г. в дворянской семье. Уже первые работы Веселовского показали оригинальность молодого историка — в центре его внимания стояли не абстрактные схемы исторического процесса, но живые люди, процесс их жизненного цикла. Среди приоритетных направлений его исследований можно выделить историю России времен Ивана Грозного и «бунташного» XVII века. В 1917—1922 гг. Веселовский преподавал в Московском университете, а также работал в Архиве иностранных дел. В более позднее время (1940-е гг.) историк обратился к истории Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. (монография «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси», вышедшая в 1947 г.), т.е. главным предметом исследования Веселовского была история средневековой Руси. После выхода последней работы в 1947 г. и ее резкой критики среди историков, получившей поддержку со стороны власти, Веселовский, вплоть до самой смерти (1952 г.), был вынужден писать «в стол».

Дневник С.Б. Веселовский вел в 1915—1923 гг., а также сделал несколько замыкающих записей, подводящих итог его наблюдениям, в 1944 г. Ведущих мотивов для ведения дневниковых записей было несколько. Во-первых, Веселовский чувствовал свою ответственность перед будущими историками, осознавая, что многие документы его эпохи не смогут охарактеризовать всю глубину происходивших изменений в стране и обществе и по-

пытался представить субъективную картину, благодаря которой будущие исследователи получают возможность изучать жизнь России во времена революции и Гражданской войны с точки зрения людей, находящихся в условиях происходящих изменений. Во-вторых, как и у Н.М. Дружинина, его дневник способствовал психологическому самоанализу.

Николай Михайлович Дружинин (1886—1986) принадлежит к следующему поколению ученых-историков, с одной стороны, тесно связанному в культурном отношении с поколением Ю.В. Готье и С.Б. Веселовского, но в политическом отношении уже поддерживающему новый строй. Участник революции 1905—1907 гг., к изучению истории Н.М. Дружинин обратился во втором десятилетии XX в. Во время обучения на историко-филологическом факультете Московского университета в 1911—1916 гг. Н.М. Дружинин посещал лекции Р.Ю. Виппера, семинары М.М. Богословского и А.Н. Савина. Призыв Дружинина в армию в 1916 г. не позволил ему вовремя закончить свое обучение: лишь весной 1918 г. он сдал государственные экзамены в университете. Во время Гражданской войны он был вынужден совмещать начавшуюся научную работу с чтением лекций в Военкоме Москвы. Также как и Ю.В. Готье, с момента образования Института истории РАН ИОНА Н.М. Дружинин стал его научным сотрудником. В 1920-е гг. окончательно определяется область интересов молодого историка: история русского крестьянства в XIX в. Уже в 1930-е гг. Н.М. Дружинин начинает активно участвовать в обсуждении периодизации истории России в Новое время (вопрос, бывший дискуссионным на протяжении всего существования советской исторической науки). В 1960—1970-е гг. Н.М. Дружинин был признанным лидером советской исторической науки, пользующимся большим авторитетом в мировом историческом сообществе.

Иными были и мотивы, заставившие молодого историка вести дневник. Стремление к самоанализу и самодисциплине стало основным мотивом для ведения дневниковых записей Дружининым. Эти записи предназначались исключительно для себя, что заставляло его, по его же признанию, «писать правду и только правду». Для нас записи 1918—1920 гг. особенно ценны еще и тем, что они велись подневно. Это дает возможность подробно фиксировать изменения, происходившие в психологическом состоянии историка и его коллег в грозные для России дни.

Определим *методику анализа* дневниковых записей. В качестве базовой точки нами была взята методика, разработанная в процессе работы семинаров, организованных А.А. Гордиенко в ЦСА (с участием А.М. Аблажея, С.Н. Еремина, Ю.М. Плюснина, В.М. Плюснина, Г.С. Солодовой и др.) для проведения анкетного опроса среди экспертов (1995 г.) в рамках мониторинга состояния Новосибирского научного центра в кризисный период. В анкете эксперта было выделено пять основных блоков вопросов: вопросы о состоянии ННЦ, о состоянии и проблемах структурного подразделения, в котором работал эксперт, вопросы об эмоциональном состоянии респондента и его коллег, об индивидуальной работе и жизни, а также блок вопросов для тех, кто работал за рубежом².

В результате первичного анализа дневниковых записей Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и Н.М. Дружинина появилась возможность выбрать и частично переформулировать вопросы анкеты эксперта (в соответствии с иным периодом и местом) применительно к дневникам историков. При составлении вопросника была предпринята попытка сохранения основных пунктов опроса сотрудников ННЦ с одновременным учетом специфики источника. Удалось сформулировать два основных блока вопросов. К первому блоку «Общее положение исторической науки в 1917—1920 гг. в России» относятся три вопроса: (1) Каковы основные негативные тенденции, происходящие, по Вашему мнению, в исторической науке в 1917—1920 гг.? (2) Каково отношение государственных органов к исторической науке? (3) Как Вы оцениваете процессы, происходящие в настоящий момент в России? Второй блок «Изменение условий научного труда Вас и Ваших коллег-историков и мотивация научной деятельности» включает в себя семь вопросов: (1) Каково было финансовое положение Ваше и Ваших коллег во время событий, происходивших в России в 1917—1920 гг.? (2) Каково в настоящий момент доминирующее настроение среди Ваших коллег? (3) Какое Ваше личное эмоциональное настроение? (4) Насколько изменилось социальное и экономическое положение Ваше и Ваших коллег в 1917—1920 гг.? Сумели ли Вы и Ваши коллеги адаптироваться к новым условиям? (5) Насколько новые условия работы способствуют росту научной активности и продуктивности труда ученого, можете ли Вы планировать свою научную деятельность; изменилась ли динамика Вашего научного труда? (6) Что заставляет Вас сохранять приверженность науке? Что отвлекает Вас от научной деятельности? (7) Уехали бы Вы за рубеж, если бы имели такую возможность? Если нет, то почему?

Способ представления материала. В тех случаях, когда это возможно, в уста интервьюируемых вкладываются обобщенные нами мысли авторов дневников, однако в большинстве ответов невозможно передать перефразируя тот эмоциональный накал, который мы можем наблюдать на страницах дневников, поэтому в тексте статьи будут встречаться достаточно большие цитаты из уже опубликованных источников.

Как Вы оцениваете процессы, происходящие в настоящий момент в России?

Ю.В. Готье. 1917—1920 гг. войдут в историю Русского государства как один из самых тяжелых моментов его существования. Торжествует хамократия [1, 1991, № 9—10, с. 160], все гибнет, в русской революции сосредоточена вся глупость, доведенная до крайних пределов: глупо все, что идет изнутри русского народа, глупо и то, что активно развито подражание глупости других. Улицы захвачены хамами, гориллами и жидами. Но невозможно и не согласиться с тем, что говорят многие думающие люди: сам старый режим предрешил то, что сегодня происходит с Отчиной. Многие

слои общества, благоденствовавшие при старом строе, сами ринулись разрушать свою страну³.

С.Б. Веселовский. Царь и его окружение в конце концов привели страну к краху. Если в первые дни февральских событий была какая-то надежда, «что масса народа переварит отраву сектантов, изуверов, вырождков старого строя, анархию со стороны вырвавшейся из уголовных тюрем сволочи и немецкий шпионаж и провокацию» [3, № 3, с. 87], то последующие события развенчали последние оптимистичные предположения. Возродился русский революционный мессианизм. «Он бредит в припадке буйного помешательства, что Россия самая свободная и демократическая страна в мире, что она скажет всему миру новое слово, продиктует не только буржуазиям, но и демократиям всего мира революционную волю русского пролетариата» [3, № 3, с. 89]. Революция была убита уже в начале 1918 г. «Катастрофа настолько велика и скоротечна, что сейчас невозможно окинуть ее одним взглядом и отнестись к ней определенно». «Finis Moscoviae! Помимо целого ряда других обстоятельств возвращение утраченной независимости становится чрезвычайно трудным, если не невозможным совсем, вследствие современной военной техники» [3, № 6, с. 97]. Нас охватило море пошлости, хамства и примитивности. Если раньше в кризисные моменты жизни нашего государства народ охватывало чувство национального единства, необходимости восстановления поруганной страны, то в событиях 1917—1920 гг. нет никаких признаков национального возрождения. Если народ и осознает потерю своей родины, то будет уже поздно. Страна гниет, медленно и бесповоротно.

Н.М. Дружинин. «Мы пережили страшное военное поражение, унижительный Брестский мир и новый подъем под эгидой коммунизма» [5, с. 94]. Россия вновь возрождается, пройдя через муки и страдания. Назревает новое великое движение, которое способно решить все спорные проблемы современного мира. «Мы на пороге новых великих событий, новых страданий и мук, но впереди брезжит свет — рождение нового общества» [5, с. 94]. Пусть было много неприятных моментов: разруха, моменты анархии, национальное унижение. Но то общество, которое строится ныне, будет обществом справедливости, равенства, братства.

Перед нами две основные позиции. С.Б. Веселовский и Ю.В. Готье однозначно оценивают события, происходящие в России в 1917—1920 гг., как крах государства с катастрофическими для населения страны последствиями. Наиболее тяжелым для них является (с их точки зрения) необратимость последствий революции, невозможность восстановления не просто старого строя (который сам не устраивал историков), но даже невозможность построения чего-либо нового. Н.М. Дружинин в своих дневниках демонстрирует иные политические симпатии: он с самого начала поддерживал новую власть, обращая, конечно, внимание на минусы нового строя, но считал их временными явлениями, неизбежными при рождении справедливого общества в России.

Каково отношение государственных органов к исторической науке?

Ю.В. Готье. Новые власти — это совокупность тех людей, которые не просто равнодушны, но даже враждебны русской культуре. «Гориллам не нужны произведения искусства». «Горько думать, что и наши все научные занятия — это никому не нужная роскошь, в которой русские гориллы не нуждаются и нуждаться не будут; а будущие владыки — немцы — сами сумеют использовать материальные и письменные памятники погубившего себя народа» [1, 1991, № 9—10, с. 170]. Если новый режим и финансирует историческую науку, то только для того, чтобы унижить нас («В Музее сегодня выдали по 100 руб. от большевиков милостыни, в счет [сметы?] новой, которую вчера утвердил товарищ Малиновский**, — 30 сребреников» [1, 1991, № 9—10, с. 174]). Гориллы и жида хотят окончательно погасить свет науки, носятся со своими планами преобразования университета. Общий уровень хамства и бескультурности новых правителей приведет к тому, что «привлечь им солидных сотрудников не удастся: бездна нахальства, цинизма, и в то же время глупость, раскрывшаяся передо мной, еще раз убедили меня в истинной цене этих новоявленных строителей России: сволочь, и только». Библиотеки и музеи — это фетиши большевиков [1, 1991, № 12, с. 143]. Все что-то делают, хлопочут, — а ничего не происходит. Вся историческая наука, все исторические научные учреждения медленно умирают среди «культурно-маниловских начинаний» [1, 1991, № 12, с. 150]. Университет разгромлен властями, не существовать ему, если долго продержатся большевики [1, 1991, № 12, с. 158].

С.Б. Веселовский. Судьба университетов оказалась в руках невежественных реформаторов. Для большевиков «проще и откровеннее было бы сказать, что университет и свободное преподавание несовместимы с диктатурой пролетариата. Это — один элемент. Второй элемент — вандальное отношение и полное непонимание ценности чистой науки» [3, № 6, с. 105]. «Политика К[омиссария]та Нар[одного] Пр[освещения] основана на неуверенности в своей долговечности, полна колебаний и непоследовательности» [3, № 6, с. 105]. «Когда мы беседовали с Покровским, то слышали только обрывки мыслей и намерений, родившихся, несомненно, в удушливой атмосфере митингов, партийной борьбы, неутомимой злобы и даже, пожалуй, мести к лицам и строю, которых они разносят во всех направлениях». Программа Покровского и всех тех, в чьем ведении находится судьба науки — наивна и тенденциозна. «Это программа расширенной школы пропагандистов революции, носящая печать невежества и глубокого неуважения к науке и непонимания ее нужд» [3, № 8, с. 86]. Большевики, настроившись на слом всего старого, практически не обращают внимания на нужды науки, на нужды людей, которые производят научное знание.

** Здесь и далее будут встречаться имена тех, с кем сталкивались на протяжении ведения дневниковых записей ученые. Объем статьи не позволяет повторять развернутые комментарии, приведенные при публикации дневников.

Н.М. Дружинин. Положение исторической науки в 1917—1920 гг. — нелегкое. Материальные лишения профессуры, нищие студенты, постоянные мобилизации... Все это было. Но больше позитивных сдвигов. Та масса — невежественная, серая, забитая — тянется к знаниям. Государство всемерно поощряет это стремление. Совершенно иными выглядят лекции. Яркие впечатления от прений, «а в прениях — яркие и резкие выступления коммунистов. Да, это новая демократия, сильная духом, проникнутая волей к жизни, волей к победе и до сих пор — победоносная. Она — сила, не сдающаяся и уверенная в себе...» [5, с. 88]. Но самая большая проблема, в частности, касающаяся политики государства по отношению к науке — это два противоположных и враждебных течения. «С одной стороны, — культурная, но реакционная среда университета, подавленная, но скрыто протестующая, нетерпимая в своем отрицании современности и близорукая в своей оценке переживаемого момента; с другой стороны, — полная жизни и силы, властная и поработашающая, разорвавшая со старой культурой и стремящаяся творить новую жизнь среда коммунистов, беспощадно-нетерпимая ко всякому иному течению» [5, с. 89]. Обе стороны обладают творческим потенциалом, но пока государство не способно совместить то лучшее, что присутствует у профессуры и коммунистов.

В дневниках ученых уже при ответе на этот вопрос наблюдается некоторое сближение позиций. Конечно, негативная эмоциональная окрашенность строк, написанных Ю.В. Готье и оптимистичный настрой Н.М. Дружинина контрастируют друг с другом, но они пока сходятся в одном: политика новой власти достаточно жестко бьет по кадровому потенциалу исторической науки, ей свойственно желание сперва все разрушить и лишь потом воздвигнуть новое здание науки. С этим же, в принципе, согласуется и анализ политики большевиков по отношению к исторической науке, сделанный в дневнике С.Б. Веселовского.

Каковы основные негативные тенденции процессов, происходящих в исторической науке в 1917—1920 гг.?

Ю.В. Готье. Трудно сказать, сохранится ли историческая наука в России в нынешних условиях. Постоянный финансовый кризис, недоедание профессуры, унижение со стороны торжествующего Хама, разграбление музеев и архивов, ненужность истории как науки для государства — все это приводит к ее исчезновению. Перспективы самые пессимистические. Да и как возможна какая-либо наука в этой стране, где не ценится книга? «Достаточно посмотреть на физиономии А.А. Покровского, почему-то пользующуюся популярностью среди библиотекарей в Москве, тов. Чачиной, что-то лепечущей о школьном образовании, и иных, чтобы видеть, что из рук этих горилл скоро вывалится последняя книжка» [1, 1992, № 1, с. 123]. Хотя, возможно, это лишь мой пессимизм, вызванный спецификой наличия в Москве под боком большевистского правительства. Немного иная

ситуация в Петрограде — «все выгоды отдаления от власти... В Петрограде можно *печатать* (курсив Готье. — А.В.)» [1, 1993, № 1, с. 105]. Петроград производит впечатление спящей красавицы русской цивилизации, так что только ученые из Петрограда сохраняют традиции.

С.Б. Веселовский. Я бы не согласился с теми, кто говорит, что наука вообще, и историческая наука в частности, не имеет перспектив сохранения и возрождения. Но необходимо отметить и негативные черты: бедствия профессуры, непонимание властями ценности чистой науки, перестройка самого университета (власти предпочитают его видеть как образовательное, но не как научное учреждение — и это при отсутствии иных научных учреждений, занимающихся историей). Другая проблема — вопрос о сохранности имеющихся архивов и формирование новых. Для выживания мы вынуждены продавать библиотеки, мебель (архивную!) — и это только для того, чтобы не умереть с голода. Что касается нашего времени — то оно просто не оставляет никаких следов в исторических источниках. «Бесчисленное количество фактов, очень важных, не оставляет никаких следов. И это везде и во всем. Напр[имер], наш волостной совдеп не ведет никакой записи входящих и исходящих бумаг, не оставляет у себя черновых отпусков и вообще не сохраняет следов своей деятельности. Делается это отчасти по невежеству в ведении дел и непониманию значения правильного делопроизводства, отчасти по небрежности и недостатку сил, а отчасти, несомненно, и с умыслом.

Как и при помощи каких источников можно будет дать верную картину теперешних жел[езно]дор[ожных] порядков? Нужны кинематограф, воспоминания и письма несчастных пассажиров, протоколы, свидетельства врачей и т. п., чтобы дать хотя приблизительное представление о том безобразии, которое творится на жел[езных] дорогах» [3, № 8, с. 105]. Но ничего этого нет. Во многом я и веду свои записи только для того, чтобы хотя бы субъективно отразить наше время.

Н.М. Дружинин. Революция и установление Советской власти во многом положительно повлияли на историческую науку: появление новой тематики исторических исследований, открытие архивов, демократизация исторической молодежи и т.д. Заседания исторических сообществ не похожи на прежние — «и здесь современность вторгалась в научный диспут — жгучая и властная, но прежней мертвечины не было...» [5, с. 100]. Но были и негативные моменты. Во-первых, хотелось бы отметить отвлечение большинства историков от непосредственных занятий научной деятельностью. Например, я был вынужден отвлекаться на работу в Военкоме, причем она занимала подавляющую часть всего моего времени. Финансовые и материальные лишения приводили к тому, что я и многие мои коллеги часто падали духом. Кроме того, из-за разрухи сами научные учреждения не могли функционировать в полном масштабе. Нехватка средств препятствует хорошей сохранности архивов. Нет денег на поездки, нет денег на комплектацию библиотек в прежнем масштабе. Постоянные затруднения с публикациями.

Теперь позиции экспертов сблизились еще сильнее. Вновь Ю.В. Готье демонстрирует нам свой явный пессимизм при оценке идущих в науке (и не только) процессов, Н.М. Дружинин — веру в светлое будущее. С.Б. Веселовский — попытку сохранения объективности, но все они сходятся в одном — наиболее негативным образом сказываются на исторической науке финансовые проблемы (постоянное недофинансирование научных учреждений), проблемы с изданием научных работ, плохая сохранность архивных материалов и т.д.

Каково было финансовое положение Ваше и Ваших коллег во время событий, происходивших в России в 1917—1920 гг.?

Ю.В. Готье. В течение всего периода 1917—1920 гг. наше финансовое положение непрерывно ухудшалось. Если я мог себе позволить при помощи ведения дел Румянцевского музея и своей преподавательской деятельности в университете в 1917 г. содержать свою семью, иметь квартиру, нанимать прислугу, то ничего этого в 1920 г. я уже позволить себе не могу. В продолжение 1918—1920 гг., т.е. времени власти большевиков, большая часть моего времени занята либо размышлениями «как быть дальше в материальном отношении», либо поиском дешевых продуктов, печек, топлива. Люди умирают, причем не только непосредственно от самого голода, сколько от плохого питания. «Сегодня я узнал о неожиданной, бессмысленной смерти моего ученика А.Я. Лутша, способного, хорошего мальчика, из которого вышел бы честный и добросовестный ученый работник. Язва в желудке в 24 года. Когда мне это сказали, я долго не мог очнуться от ужаса, несмотря на то, что сейчас ко всему, кажется, мы притерпелись» [1, 1991, № 9—10, с. 167]. Для того чтобы хоть немного почувствовать себя свободными от тисков голода — уезжали в деревню (в Загранице). Но и здесь все далеко от прежнего положения. На праздник — лишь крошечный пирог из белого хлеба и много черных сухарей. Если приобретаешь провизию у мешочников — то рискуешь потерять и деньги, и продукты. Так, за то что мы приобрели у спекулянтов сахар, товарищи у нас его реквизировали и наложили штраф в 10000 руб. (1918 г.). "Старый" новый год (1919) встретили обычным образом у родителей жены — радовались двум пирогам из черной муки и пили сладенькое вино за невозможностью достать ни водки, ни шампанского, которыми провожали и встречали год; вчера опять остатки буржуазности — обед у Е.А. Готье — вместо бездны явств, которые там когда-то в этот день бывали, была ветчина с картошкой, и все поражались роскошью стола: таковы картины голода, затягивающие нас». И наша семья — это правило, а не исключение.

С.Б. Веселовский. Я даже и не мог представить, что такое возможно. Мало того, что в учреждениях почти не выдают денег, стоят очереди за частью заработной платы, так новые власти еще активно занимаются взиманием налогов. «Злоба дней последних — революционный 12-миллиардный налог-контрибуция. Чудовищная цифра налога, почти полное отсутствие норм его раскладки и полная неизвестность, как он будет произведен на

деле, вносит тревогу и недоуменные разговоры и толки. На наш домовый комитет наложено податным присутствием 1090000 руб., тогда как сумма всех декларированных имуществ и доходов немного больше миллиона. Из этого несомненно одно, что будет беспорядочное ограбление случайно подвернувшихся лиц по случайным признакам». Карточная система не действенна, спекулянты на рынках накручивают цены каждый день. Была попытка облегчения своей жизни за счет отъезда в деревню — но и там не легче. «По целым дням: работаю с Севой и Борей /сыновья С.Б. Веселовского/ на огороде. Пять дней мы сидели без хлеба, питаюсь суррогатами — каждый получал по лепешке в день. Теперь достали 30 ф[унтов] муки, печем хлеб с картофелем, и каждый получает по 1/2 ф. Все мысли мои и других взрослых членов семьи направлены на добывание пищи, огород и сад. Я весь поглощен планами, сколько, чего и когда посадить и посеять. К вечеру настолько устаю, что не могу читать ничего, кроме пустяков».

«Впоследствии историки будут спорить, как историки Парижской коммуны, был ли в России голод во время революции и анархии. Весь спор станет бесцельным, если определить, что считать голодом. Если под голодом понимать такой продолжительный недостаток в пище, от которого человек бессильно падает и умирает от истощения, то такого голода пока нет. По крайней мере, я не знаю таких случаев. Но если под голодом понимать полное расстройство привычного образа питания и хроническое недоедание, то такой голод существует уже давно и усиливается с каждым месяцем. Расстройство питания гораздо тяжелее и опаснее недостаточного питания. Свежая и консервированная рыба исчезли уже давно и теперь ее нет (в Москве и под Москвой) совершенно. Мяса почти нет совсем, оно очень дорого, да и то это — конина или малопитательная телятина или баранина. Потребление сладкого ничтожно. Теперь быстро исчезает соль. Но тяжелее, кажется, всего почти полное исчезновение жиров — масла, сала и растительных жиров. Молоко, молочные продукты и сыр — в ничтожном количестве, дурного качества и так дороги, что совершенно недоступны большинству населения. У нас, напр[имер], под Москвой, сейчас бутылка молока стоит 100 р. Что касается белого хлеба, то очень многие не едят его уже третий год. В общем привычный образ питания горожан, конечно, нарушен больше, но и деревня тоже страдает от этого сильно» (см. [3]).

Н.М. Дружинин. Финансовое положение меня и моих коллег в 1917—1920 гг. иначе как печальным назвать нельзя. Деньги, которые выплачиваются мне за чтение лекций в Военкоме, я вынужден сразу же после лекций тратить на пирожки — отвратительного качества, но иных нет, постоянное чувство голода заставляет забыть о своем здоровье. Также от мыслей о необходимости есть отвлекает курение, но оно же вновь заставляет тратить те немногие средства, которыми я располагаю. Поездки за едой в деревню — обычны. Цены на продукты растут постоянно. Зимой вынужден отрывать последние деньги на топливо (опять поездки за город!). Иногда у знакомых роскошествую — «на именинах у Ляли Мензбир (роскошное угощение: пшенич[ный] пирог со слив[очным] маслом, кофе со сливками, пирожное, печенье)». Обеды у профессуры — конина (см. [5]).

Все интервьюируемые дали однозначный ответ, что их финансовое (материальное) положение в 1917—1920 гг. резко ухудшилось. Ухудшение сказывается как в уменьшении (реальном) оплаты труда, так и в затрудненном доступе к продуктам первой необходимости.

Каково в настоящий момент доминирующее настроение среди Ваших коллег?

Ю.В. Готье. «Сегодня я был на академическом съезде: это было четвертое заседание; я был еще на открытии. Поразительно грустная картина. Членов всего 165—170 человек. Присутствуют не более 60—70, да еще вездесущие курсистки. Царит сон и скука. И это тогда, когда над академическим миром занесен удар, быть может, смертельный. Что это значит? Равнодушные? Трусость? Желание обеспечить себе выход для того, чтобы принять дар данайцев от большевиков? Грустно и стыдно за тех, кто должен бы был считать себя солью земли. Когда видишь это, то невольно приходишь еще раз к выводу, что с таким народом ничего не сделать и что из него ничего не выйдет» [1, 1991, № 11, с. 160]. Вообще, у моих коллег преимущественно настроение тягостное и мрачное. Лишь изредка, в дни успехов белой армии и союзников может проглянуть солнце, но оно вновь сменяется длительной апатией.

С.Б. Веселовский. В течение всего периода о доминирующем настроении среди моих коллег, а также среди большинства ученых, можно сказать: усиливающееся постепенно отчаяние, переходящее в полное безразличие ко всему происходящему и апатию. Апатия зачастую может завершиться трагически. «Приехавшие из Москвы сообщили мне, что повесился на отдушине В.М. Хвостов. Какую ужасную драму должен был пережить этот уравновешенный, самоуверенный и самонадеянный человек, обладавший недурным, во всяком случае, здоровьем и значительной силой воли. Его смерть производит тяжелое впечатление. Так гибнут один за другим представители верхов нашего образованного класса. И не видно конца этому ужасу» [3, № 9, с. 118]. И это не исключение. «Смерть делает свое дело. За последнее время умерли И.А. Покровский, пр[иват] доц[ент] психиатр Рыбаков, Д.В. Цветаев, Н. Каблуков, С.Н. Булгаков. С апреля количество усиленных пайков увеличивается, но пока дойдет до того, чтобы давать его всем ученым, большая часть перемрет. Истощение постепенно подрывало силы, и в дальнейшем результаты его будут сказываться еще сильнее. Особенно пострадал от смертей и террора юридический факультет. Мануйлов, Новгородцев, Струве и Гензель бежали. Хвостов повесился, Тарасов, Филиппов и ряд других выброшены за борт, Покровский и Каблуков умерли. В архивах то же опустошение. В Арх[иве] иностр[анных] дел из старого состава умерли: С.А. Белокуров, его брат Н.А., А.В. Лопухин, а недавно Н.В. Рождественский. В Архиве Юстиции до Д.В. Цветаева умерло тоже несколько человек: Беляев, Соколов и другие.

Поучительно будет со временем издать книгу небольших некрологов ученых, писателей и вообще людей мысли. Будет хороший памятник социальной революции» [3, № 9, с. 130].

Н.М. Дружинин. Чаще всего среди моих коллег царит глухое раздражение. Во многом у большинства, принадлежащего к старой профессуре, одной из причин раздраженного состояния выступает их неприятие происходящих изменений в стране. Кроме того, немаловажную роль играет неблагоприятное экономическое положение, приводящее ученых к постоянно утомленному физическому состоянию. Примером может быть состояние моих коллег по Военкому.

Все три респондента в качестве доминирующих психологических характеристик своих коллег указывали на отрицательные эмоции. Обращает на себя внимание мотивировка этого психологического состояния: неприятие происходящих политических и социальных изменений и экономические затруднения.

Какое Ваше личное эмоциональное настроение?

Ю.В. Готье. Чаще всего — очень тягостное настроение. «Смутные настроения и впечатления; чувство дальнейшего опускания в отхожее место; хотя особо острых данных нет» [1, 1991, № 11, с. 152]. Единственный способ поднять настроение — попасть в место, где почти нет горилл. «Все утро гуляли в Нескучном...; в нем чувствуешь себя где-то в оазисе; наплыв демократии сказывается только местами в протоптанных тропинках, в затоптанных газонах, да в гориллих отпрысках, которые бегают группами и чувствуют себя как дома; когда мы уходили, стали появляться хулиганы с стеклами и начесами...; но все-таки до 2 часов элемент буржуазный преобладал; все-таки прелесть сада выше всех этих изъянов, и мы вышли в хорошем состоянии духа» [1, 1991, № 11, с. 158]. Но такие «оазисы редки». Не поднимает настроение даже работа в Музее: она бессмысленна. «Революция съела у меня все, что было у меня самого дорогого... Днями я: испытываю тяжелую невыразимую тоску, из которой нет выхода, как нет и выхода, из нашей жизни. Холод, голод, смерть нравственная и физическая — вот удел всех, кто не приспособился и не спекулирует» [1, 1992, № 11—12, с. 137].

С.Б. Веселовский. Я постоянно балансирую на грани. Чаще всего в этот период для меня было свойственно отчаяние. «Временами становится так невыносимо тяжело и гадко, что рождается мысль о самоубийстве... Везде страшный упадок духа, утрата веры в свои силы, беспросветная безнадежность. Миражи освобождения извне рассеиваются один за другим, а общая апатия и запуганность лишают надежды на внутренние силы, на выздоровление без хирургии извне» [3, № 6, с. 104]. «Чтобы не сойти с ума и не дойти до самоубийства одно средство — зажать уши и закрыть глаза... и жить в таком положении» [3, № 10, с. 127]. Лишь труд в деревне, тяжелый и изматывающий, позволяет отринуть черные мысли.

«Теперь наша жизнь [в Татаринровке] протекает тихо и мирно. Власти и местное начальство нас не тревожат; нет волнующих политических новостей, и в семье все благополучно. Весной, конечно, надо ожидать нового беспокойства и напастей» [3, № 9, с. 116]. Особенно тяжелое моральное состояние у меня тогда, когда узнаю о смерти близких ко мне ученых. Так, после смерти В.М. Хвостова «старался успокоиться, но не могу. На душе невыносимо тяжело. Когда солдат в сражении видит ужасную смерть своего соседа и знает, что во всякую минуту и его может постигнуть такая же участь, то несомненно и он переживает тяжелые минуты, которые быть может остаются в памяти на всю жизнь, но то, что мы переживаем, много тяжелее. Это не смерть в бою, не смерть за дело, в которое, быть может, веришь и за которое готов и умереть, не острые моменты и не ужасная случайность, которой можно миновать, а бесславное, бесцельное и медленное умирание, смерть в темноте, наглухо запертом могильном склепе. Впереди не победа, не быстрая и может быть честная смерть, не надежда на жизнь в лучшем будущем, а медленное угасание, с уверенностью, что если и удастся каким-нибудь чудом выжить, то будущее будет полно еще больших страданий, труда и даже, быть может, бедствий» [3, № 9, с. 118].

Н.М. Дружинин. Чаше всего настроение угнетенное. Как полагаю, в основном оно связано с продовольственными проблемами на фоне вынужденной активности. Часты приступы некоторого разочарования в устанавливаемом новом мире. Основными же причинами плохого настроения являются отрицательные внешние условия (голод, холод, арест), а также общее минорное настроение сотрудников Военкома⁴.

Вновь, как и при ответе на предыдущий вопрос, респонденты указывают на то, что преобладают отрицательные эмоции. Причины аналогичны. С.Б. Веселовский и Ю.В. Готье, негативно относившиеся к новому режиму, обращали внимание на политические причины своего угнетенного состояния. Для Н.М. Дружинина ведущим мотивом было его физическое и экономическое состояние.

Насколько изменилось социальное и экономическое положение Ваше и Ваших коллег в 1917—1920 гг.? Сумели ли Вы и Ваши коллеги адаптироваться к новым условиям?

Ю.В. Готье. Смена социального статуса — катастрофическая. Если до произошедших социальных потрясений ученые и интеллигенция представляли собой среднюю прослойку общества, то теперь, в стране торжествующего Хама, ученый — наиболее незащищенный и неуважаемый человек. «Гуляя, я видел русских интеллигентов, пилящих дрова; не боясь плоской шутки, скажу, что интеллигенция, которая своими усилиями довела дело до того, что ей самой приходится пилить дрова, — вполне этого достойна; на другое она не годится» [1, 1992, № 11—12, с. 125]. Аналогичные изменения я могу проследить и в экономическом положении. Если до революции я

мог с помощью своих доходов от преподавательской деятельности содержать свою семью, снимать квартиру, позволяющую мне спокойно работать, а семье вести достойный образ жизни, то с приходом большевиков к власти мое экономическое положение резко ухудшилось, причем проблемы усиливаются с каждым годом. Большевики используют и экономические, и внеэкономические методы (пример—процедура моего уплотнения) для того, чтобы я почувствовал свою ничтожность. Катастрофически падает уровень денежного обеспечения профессуры. С отменой хождения денег ученые оказались за бортом жизни. Единственно, что помогло выжить моей семье в 1918 г. — это наши владения в деревне. После их фактической конфискации мы лишились последней поддержки. Система пайков, преподносимая большевиками как альтернатива денежного обеспечения, направлена на уничтожение цвета русского народа. «Кругом везде разговоры только о пайках. По-видимому, некоторое число их дадут Румянцевскому музею; я думаю, что это—единственное средство предотвратить разбег служащих куда глаза глядят. Пайков ученых, или подобных ученым, роздано в Москве несколько сот, говорят, что на этих днях товарищи народные комиссары дадут еще 1300 или 1800 пайков на Москву. И это—целое событие, потому что 2000 пайков спасают всю московскую ученую братию или, вернее, ее остатки. Я думаю, что 2000 пайков дать ничего не стоит; несмотря на всю разруху, ведь содержат же они миллиона два лодырей-красноармейцев и коммунистов всякого рода» [1, 1992, № 11—12, с. 145]. Адаптации к новым условиям в среде профессуры нельзя увидеть. Сумели хорошо устроиться лишь люди без моральных принципов и без каких-либо проблем патриотизма.

С. Б. Веселовский. И социальное, и экономическое положения меня и моих коллег резко ухудшилось за эти годы. Я оказался фактически беззащитен перед теми, кто пытался отобрать последнее, что поддерживало жизнь мою моей семьи—наш огород в Татаринровке⁵. С учеными не считаются ни в обыденной жизни, ни даже при решении вопросов о дальнейшем существовании научных и учебных учреждений (чему могут служить примером реформы, проходящие в музеях и Московском университете). И что самое страшное, так это то, что происходит с нами внутри. «До чего измучились и изголодались люди! У лавки бывшей Бландова на Петровке я стоял в большой очереди за профессорским пайком профессоров, их жен и родственников. Нужно было видеть, с какой нервностью и нетерпением ждали очереди, переспрашивали друг у друга как и что дают, с какой лихорадочной поспешностью укладывали и уносили полученное, как бы боясь, что кто-нибудь у них отнимет, и не веря своему счастью. У стоявших около прилавка загорались глаза при виде: больших кругов масла, бочек простых селедок, которых раньше не стала бы есть прислуга, мешков плохой муки и прочих давно недоступных в достаточном количестве товаров. Женщины относились спокойнее и укладывали полученное быстро и умело, но беспомощные ученые дрожащими руками, торопливо и бестолково клали селедки вместе с мукой, постное масло—в мешок с крупой и т. д. Старик Филиппов пришел с своей сильно похудевшей слабой дочкой, забыл

свою палку и повез паек на другой конец Москвы на маленькой самодельной тележке. Другие увозили свою добычу на детских колясках, тачках и т.п. Н.И. Шапошников понес на спине один — 2 с 1/2 пуда» [3, № 9, с. 132].

Н.М. Дружинин. Я бы не стал драматизировать ситуацию. Да, в стране произошла социальная революция. Изменилось положение практически всех социальных групп населения. Но по-прежнему можно заметить ценность и необходимость для государства и общества ученых. Без них просто невозможно было бы выполнить главную задачу — просвещение прежде забитых и необразованных представителей народа. Новое государство делает все возможное в его силах, чтобы обеспечить возможность выживания ученым. Да, имеется очень много издержек нового строя, неприспособленным интеллигентам приходится обращаться к физическому труду, например, к рубке деревьев, в которой часто принимают участие и представители профессуры. «Жалуются на неорганизованность работ, на отдаленность от пункта, на отсутствие воды. Чувствуется скрытое молчаливое страдание, но в то же время — большая цепкость, приспособленность, умение жить и в этих невыносимо тяжелых условиях» [5, с. 96].

Ученые, органично вписанные в социально-экономическую структуру дореволюционной России, в результате произошедших изменений оказались фактически на положении маргиналов в новом обществе. Если более молодое поколение ученых (Н.М. Дружинин) указывало на объективный и преходящий характер имеющихся трудностей, то их старшие коллеги (Ю.В. Готье и С.Б. Веселовский) воспринимали эти сложности как целенаправленную политику уничтожения русской интеллигенции.

Насколько новые условия работы способствуют росту научной активности и продуктивности труда ученого, можете ли Вы планировать свою научную деятельность; изменилась ли динамика Вашего научного труда?

Ю.В. Готье. В новых условиях какая-либо продуктивная научная работа оказалась просто невозможна. Когда ученый прежде всего думает о физическом выживании, а также вынужден видеть все негативные перемены, вызванные социальными потрясениями, он не может нормально работать. Во многом моя научная работа в 1917—1920 гг. была направлена, с одной стороны, на завершение моих ранее начатых исследований, с другой стороны, на попытки сохранения уже собранных источников и результатов моих прежних работ. Особенно сильный удар я испытал в конце 1919 г., после смерти жены. «Общими делами я совершенно перестал интересоваться. Я теперь чувствую и познаю, что такое чувство мертвого спокойствия. Я вижу и знаю, что у меня нет более родины, нет семьи, что моя деятельность замирает как ненужная; остается только сын, которого нужно спасти, — вот вся цель моей жизни» [1, 1992, № 11—12, с. 136]. О каких планах может идти речь в такой обстановке, когда ты не знаешь — будешь ли ты сво-

боден на следующий день, будет ли кусок хлеба, сможешь ли ты что-то сделать для своей семьи? У нас ничего нельзя предполагать, ничего нельзя планировать.

С.Б. Веселовский. «Я совершенно ясно вижу на себе отражение и проявление общей деморализации, составляющей сущность нашего крушения и распада всего государства и общества. У всех утрачена вера в себя и свои силы; утрачен стыд и затемнена совесть; утрачено совершенно желание работать и сознавать необходимость труда. Да, труд становится совершенно невозможным при теперешней анархии, когда никто не знает, воспользуется ли он, а не грабитель, плодами своего труда. Обесценение денег разрушает всякий критерий для справедливой оценки труда. Все вертятся, как в водовороте, и все живут изо дня в день. Последнее, т.е. полная неуверенность в завтрашнем дне, страшно истощает и деморализует окончательно.

Я, при всей своей привычке и любви к труду, — не могу работать. Сажусь за свои научные темы и неотвязно преследует мысль: это никому не нужно, бессмысленно, что быть может через неделю или через месяц я буду стерт с лица земли голодом или грабителем, что та же участь ждет мою семью и т.д. Невольно пробивается по временам легкомысленное желание взять у жизни напоследях хоть что-нибудь, когда все равно скоро погибнешь, или, если и уцелеешь, то будешь не жить, а влачить жалкое существование» [3, № 3, с. 105].

«Архивная реформа налаживается очень медленно и, на мой взгляд, неудовлетворительно. Главное — почти полное отсутствие людей. Здесь то же, что и везде: бесконечные разговоры, отсутствие деловитости, крайний недостаток в профессиональной подготовке, отсутствие деловой дисциплины и чисто русская распушенность» [3, № 8, с. 100].

Н.М. Дружинин. Именно научная деятельность стала для меня в 1917—1920 гг. просто невозможной. Революционные события, начавшаяся после этого война и мой призыв в армию (хорошо, что удалось договориться об устройстве в Военком, а не попасть в стрелковую армию) привели к тому, что я в основном занимаюсь лекторской деятельностью для раненых, дезертиров и венериков, а о научной работе мне просто пришлось забыть. Свободное время я посвящаю в основном своему «политпросвету» — читаю книги новых вождей, а также классические работы социалистической мысли. Лишь в 1920 г. я смог наконец хоть немного вести подготовку к магистерскому экзамену, но и ее нельзя назвать продуктивной⁶.

Все ученые единодушны — в новых условиях научная деятельность стала практически невозможной. Резко упала продуктивность самих респондентов, ни о каком планировании своей научной деятельности нельзя и говорить.

Что заставляет Вас сохранять приверженность науке? Что отвлекает Вас от научной деятельности?

Ю.В. Готье. С одной стороны, никто, кроме меня и таких, как я, не способен заниматься исторической наукой. Если мы уйдем из нее, то Россия

окончательно лишится слоя культурных и образованных людей, способных сохранить хоть какой-то уровень общей культуры. С другой стороны, — нет никаких иных возможностей чем-либо заняться. Чем можно заняться в Совдепии? Изображать трудовую деятельность? У горилл, дорвавшихся до власти, это занятие выходит лучше. Грабить? Не позволяет природная порядочность. Активно приспосабливаться и поддерживать громкими политическими заявлениями сегодняшнюю власть? Для этого надо быть жидом или обладать их качествами и забыть о какой-либо ответственности за будущее наших детей.

Главной причиной, которая не дает мне нормально работать, я могу назвать экономическую. Невозможно вести какую-либо научную работу, когда тебе нечего есть. За наиболее тяжелые месяцы 1918—1919 гг. зачастую дни целиком уходили на то, чтобы купить или обменять продукты на другом конце Москвы и нести их на себе или везти на санках к себе домой. Кроме того, в 1918 г. очень много времени занимала работа на земле, когда невозможно хоть час посвятить не то что научной работе, но даже чтению книг.

С.Б. Веселовский. Основная причина моей приверженности к науке—это своеобразная ответственность перед будущими поколениями отечественных историков. Если мы не сумеем продолжить нашу работу, работу наших предшественников, если мы не сохраним университет, — то и наука, и культура потеряют очень многое, если вообще сохранятся.

То, что касается отвлекающих факторов — так это политическая обстановка и экономическая необходимость. «Не знаю, как мне удастся совместить работу в Архиве юстиции с работами в Татариновке. Там мне придется работать только с помощью Севы и Бори; на Ал. Ник. рассчитывать нельзя — он совершенно деморализован и опустился. Между тем, пчельник, огород и картофель — это главная наша надежда, особенно если к осени не произойдет значительных перемен к лучшему» [3, № 8, с. 100].

Н.М. Дружинин. Я не могу себя представить вне науки. Года терзаний — а способен ли я к научной деятельности, могу ли составить достойную конкуренцию для моих одногодок, уже так много сделавших на этом поприще — прошли. Историческая наука, причем в новых условиях, которые открывают произошедшие перемены — вот то, что является моей целью, иное занятие просто приводит меня к думам о бессмысленности своего существования.

Мобилизация на работу в Военком и необходимость подготовки и чтения лекций стали главной причиной того, что за эти годы я не сумел практически ничего сделать в выбранной для себя сфере деятельности.

Всех трех интервьюируемых при выделении причин, заставлявших сохранять верность научной деятельности, объединяло одно — невозможность представить свою жизнь без исторической науки. Кроме того, Ю.В. Готье и С.Б. Веселовский не видели другой сферы деятельности, которая была бы более выгодной с материальной точки зрения и при этом не противоречила бы их моральным принципам.

Объективные причины вынуждали ученых отказываться от собственно научной деятельности: Ю.В. Готье и С.Б. Веселовского — необходимость поиска средств для выживания, Н.М. Дружинина — мобилизация на работу в Военком.

Уехали бы Вы за рубеж, если Вам представится такая возможность? Если нет, то почему?

Ю.В. Готье. Если еще в 1917 г. я и имел какие-то надежды, то уже 1918 г. полностью лишил меня таковых. Эмиграция — единственная возможность сохранить себя. «Более, чем когда-либо, я боюсь, что небольшую группу русских цивилизованных людей бросят на произвол судьбы и оставятдохнуть в стране, где цивилизации подписан смертный приговор. Остается добиваться одного — выпуска за границу. Если доживет кто-нибудь до этого момента, да будет ему благо. Но — увы — кто из нас доживет до весны?» [1, 1992, № 11—12, с. 131]. Проблема с эмиграцией — не в нерешительности моей и моей семьи, но в невозможности уехать из страны. «Сегодня услышал, что бельгийцев предполагают также выпроводить. Счастливые Вилькены. Дай Бог дожить, чтобы за ними последовать» [1, 1992, № 11—12, с. 137]. Если бы меня выпустили в Латвию для покупки книг, вполне вероятно, что я использовал бы этот шанс для эмиграции. «Слухи теперь посвящены вопросу о высылке профессоров за неблагонадежность. Хорошо бы попасть в число их» [1, 1993, № 3, с. 158].

С.Б. Веселовский. «За последнее время я все чаще и чаще возвращаюсь к мысли об эмиграции» [3, № 6, с. 106]. Об этом я неоднократно думал с 1905 г. Все русское общество за 20 лет переживало настоящее разложение морали, права, общества. Это разложение и общий низкий уровень культуры делали жизнь крайне тяжелой. Лишь соприкосновение с представителями западной культуры облегчало страдание. Теперь невозможно найти этих представителей.

Н.М. Дружинин. Никаких мыслей об эмиграции. Россия — страна, в которой рождается новый светлый мир, пусть в муках, но это необходимо. И я не могу оставить свою страну в такой трудный для нее час.

Можно заметить, что главным мотивом мыслей об эмиграции из России были не экономические (как можно заметить, экономическое положение всех трех интервьюируемых историков было приблизительно одинаково), а политические, т.е. отношение к смене политического режима в России и последовавшим за этим переменам.

Наши ретроинтервью благодаря творческому использованию указанной методики позволили представить достаточно яркую и объемную картину кризисного состояния исторической науки и ученых-историков в период Гражданской войны в России. Несмотря на объективные трудности, которые переживала Россия в этот период (голод, война, разруха), ученые

смогли пережить это сложное время и сохранить традиции отечественной исторической науки. В какой мере они их сохранили — это тема для продолжения исследования с применением использованной методики.

Примечания

¹ При написании биографии С.Б. Веселовского использовалась статья Андрея Юрганова «"Все это ушло далеко в вечность": дневник и жизнь С.Б. Веселовского», опубликованная на сайте if.russ.ru (http://if.russ.ni/issue/7/20011129_urgan.html). Именно А. Юрганову мы благодарны за публикацию дневников С.Б. Веселовского и комментариев к ним в журнале «Вопросы истории» (см. [2; 3]).

² Методика проведения экспертного опроса была опубликована С.Н. Ереминым (см. [4]).

³ При приведении ответов экспертов в нашей статье использовались как непосредственные цитаты из дневников историков, так и пересказ основных мыслей ученых, причем при пересказе мы старались сохранить лексику и стиль высказываний Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и Н.М. Дружинина.

⁴ Здесь можно привести интересную статистику. За период с мая по декабрь 1919 г. Дружинин 48 раз фиксировал свое психологическое состояние. Из них 10 дней можно определить как дни эмоционального и психологического подъема, в то время как для 38 дней основной характеристикой являются слова «утомление, апатия, истощение, мрачное состояние». Основными сопровождающими характеристиками отрицательного психологического состояния являются упоминания о голоде, о неблагоприятных погодных условиях (невозможность поддерживать дома нормальную температуру), отсутствие отдачи от проведенных лекций и т.д. Можно провести интересное сравнение с дневниковыми записями 1913 г., когда отрицательное и положительное эмоциональное состояние соотносились приблизительно 50 на 50, а основными причинами плохого настроения Н.М. Дружинина являлись неудачи в занятиях научной деятельностью и необходимость отвлечения внимания на репетирование гимназистов.

⁵ «Когда будет конец этой ужасной пытке? В конце концов положение помещиков, выгнанных из своих имений, лучше нашего: они пострадали сразу, как-нибудь устроились, быть может бедствуют, но не выносят постоянных оскорблений и угроз быть выселенными. То, что произошло сегодня, хуже всего, что пришлось нам вынести раньше. Игорь и сын Алексея Николаевича пасли коров перед домом в овраге. Из леса к ним вышел какой-то прилично одетый, с пенсне, мужчина, расспросил про постройки, коров (про лошадей не спрашивал), получил от них несколько сбивчивых и неточных ответов, записал их и, уходя, сказал Игорю: предупредите своего отца, что его имение будет взято под советское хозяйство). Спросил дорогу на дачу Сиффернен, но прошел мимо нее, не заходя и не осматривая, даже издали, как нашу. На меня это произвело такое тяжелое впечатление, как ни одна из прежних угроз выселить. Я теряюсь в догадках, что это действительно какой-нибудь советский служащий или просто жулик, высматривающий место и уклонившийся от разговоров со мною или кем-нибудь из взрослых. Дело в том, что в предыдущую ночь у о. Василия, живущего в избе у сестры, зарезали и украли всех кур. С другой стороны, поведение этого гражданина очень странно: собирает случайные и неточные сведения у детей; берется решать такой вопрос, как устройство хозяйства, и делает это тогда, когда много времени для весенних необходимых работ уже прошло. Не имеет сведений о запашке и возможности вести хозяйство и в то же время ограничивается осмотром издали и опросом детей. Наконец, еще три недели тому назад у нас был председатель исполкома с двумя другими советскими, и сам предложил мне подать заявление о снятии с учета нашего имения. Он знал, что у нас нет полевого хозяйства, что пахотной земли почти нет, что я занимаюсь огородничеством и пчеловодством, что вообще наше имение не пригодно под совнархозы. Наконец, он сам и глава местных коммунистов обещали мне поддержать мое ходатайство о снятии с учета. Если бы действительно имелось в виду устроить у нас советское хо-

зйство, то они знали бы об этом и не предложили бы сами подать заявление... Так[им] образом речь может идти только о том, чтобы захватить нашу дачу с огородом и пчельником и устроить потребительское хозяйство для своей родни, бегущей из разоренной Москвы.

Но какая жестокость проделывать все это в такой форме и в такое горячее время, когда мы не можем устроиться и лишимся главного нашего средства существования—огорода, не будучи в состоянии, так как время будет упущено, устроить его в другом месте. Наконец, самая форма предупреждения через случайно встреченных детей, уклоняясь от разговора со мной есть верх грубой жестокости.

Когда будет взято? работать на огороде или бросать? оставлять ли мне огород, все это умышленно и по несознательной жестокости вылилось в форму брошенного похода предупреждения маленькому мальчику, сыну бывшего помещика, который пас три коровы вместо того, чтобы учиться.

Для переживаемого времени характерно, что невозможно сказать, был ли это хулиган или советский работник. Теперь нередко первые принимают личины вторых для успешности грабежа, а вторые иногда действуют и ведут себя как хулиганы» [3, № 9, с. 129—130].

⁶ Достаточно типичной является запись от 27 июня 1920 г. в дневнике Н.М. Дружинина: «Малоплодотворная неделя. Ни разу не прикоснулся к летописи!.. Три вечера провел вне дома... Остальные три вечера ушли на подготовку к лекции (последней, до сих пор еще не готовой). Нет, надо изменить распределение своего времени. С меня достаточно того общения, которое я имею на службе, а вечерние часы надо, наконец, посвятить научным занятиям, ничем не отвлекаясь от своей основной задачи—от подготовки к магистерским экзаменам. Время уходит, годы бегут, а моя давняя цель остается такой же далекой...» [5, с. 88].

Литература

1. Готье Ю.В. Мои заметки // *Вопросы истории*. 1991. № 9—10, 11, 12; 1992. № 1, 11—12; 1993. № 1, 3.
2. Юрганов А. «Все это ушло далеко в вечность»: дневник и жизнь С.Б. Веселовского // *if.russ.ru* (http://if.russ.ru/issue/7/20011129_organ.html).
3. С.Б. Веселовский. Дневники 1915—1923, 1944 годов // *Вопросы истории*. 2000. № 3, 6, 8—10.
4. Еремин С.Н. Социологический мониторинг Новосибирского Академгородка. Методическое сопровождение. Новосибирск, 1999.
5. Дневник Николая Михайловича Дружинина // *Вопросы истории*. 1996. № 7.